

Впрочем, неожиданностью это прозвучало лишь для тех, кто не видел Скляра в театре. На сцене петербургского Малого драматического, где он работает уже 17 лет, Скляр не играет героев-любовников. Его роли – деревенский дурачок из «Братьев и сестер» Федора Абрамова, Федька-каторжный в «Бесах», Джек в «Повелителе мух», бандит и убийца Роберто Зукко в одноименной пьесе. Но театр Льва Додина из-за гастролей редко видят даже в Петербурге. Что же говорить об остальных зрителях, на многие годы теряющих из виду своих кумиров?

– **Чем вы сейчас заняты?**

– Я работаю. Мы сейчас занимаемся попыткой переноса на сцену романа Платонова «Чевенгур». Когда будет результат, сказать трудно, потому что наш театр привык репетировать пьесы не месяцами, а годами, да и материал требует глубокого проникновения. Что касается кино, то я не бросаю надежду, что продолжатся съемки фильма «Агнус Деи» Семена Арановича, которые по разным причинам все время останавливаются. Снята половина фильма. Начинаются съемки картины «Je vous aime» – Глеб Панфилов обратился к истории дороги из жизни в смерть царской семьи.

– **Ваша роль там?**

– Мне сначала была предложена одна роль, но меня заинтересовала другая – роль Свердлова. Она не очень большая по объему, но интересна мне: персоны, которые долгое время рассматривались как героико-романтические, в нынешнем времени очеловечиваются, их уже можно разглядывать без затуманенного стекла – то ли сильно положительного, то ли сильно отрицательного. Они были довольно интересные люди – психованные, странные...

– **Значит, в отличие от многих ваших коллег, вы не чувствуете себя забытым?**

– Было время, когда я каждый день вибрировал оттого, что понимал, что никому не нужен. Актер – это воплощение очень понятных человеческих чувств. Если он никому не нужен, он нервничает. Но по режиссерам я не бегаю – возьмите меня туда или туда. Я всю жизнь спокойно жду. Слава Богу, у меня есть театр, работа, которую я исполняю ежедневно.

– **Как далеко простираются ваши профессиональные амбиции?**

– Думаю, что амбиции простираются бесконечно, как у любого из нас. Я, честно говоря, не верю людям, которые говорят: «У меня есть шесть моих соток, заборчик, и мне достаточно». Это в них говорит уязвленное самолюбие. Или лень. Амбиции безграничны, иное дело – их воплотить. Конечно, многое зависит от случая, чтобы этот момент настал, чтобы кто-то попросил тебя – воплоти свои амбиции.

– **Вы уравновешенный человек?**

– Нет.

– **Что может вывести вас из себя?**

– Мелочи. Когда объездишь весь мир, города и провинцию, вдруг понимаешь, что мы живем назло себе, делаем все, чтобы было крайне неудобно – в быту, в человеческом общении. Может, это и есть наш менталитет – создавать себе трудности, чтобы потом с большой гордостью их преодолевать.

– **Вы смотрите на себя со стороны? Замечаете ли, как ходите, говорите, сидите, какие делаете жесты?**

– Это трудный вопрос, на него сложно отве-

Игорь Скляр без гитары

ВСТРЕЧА

Белозубую улыбку этого 39-летнего артиста знают все. Веселый музыкант («Мы из джаза»), исполнитель всенародного шлягера «На недельку, до второго...» большинству зрителей до сих пор представляется порхающим юношей. Двухгодичной давности фильм Семена Арановича «Год собаки» явил нам другого Скляра – надломленного, грубого, «на лицо ужасного, доброго внутри».

тить до конца честно. Конечно, смотрю, как любой из нас. Даже сделав фотокарточку на паспорт и зная, что не очень хорош собой, человек смотрит на нее и говорит: «Ужасно! Нос какой-то кривой, зачем я глаза так сделал?!» А все равно смотрит и смотрит. Так и я. Это свойственно любому человеку, если он, конечно, не спившийся бомж. В учебном театре у нас преподавал Сергей Юрский, и он говорил: «Сцена – единственное место, где можно себя почувствовать самим собой». Есть возможность о себе ненадолго забыть. А жизнь, поле общения человечества – это как раз та огромная сцена, где, как сказал Шекспир, все мы актеры.

– **Вы по жизни играете какую-то роль?**

– Нет, стараюсь не играть.

– **То, что видят в вас окружающие, – это то, что вы хотите, чтобы они видели?**

– Нет, как правило, меня неадекватно воспринимают. Меня хотят видеть таким же, каким я когда-то был в кино – веселым, улыбающимся. Я на самом деле человек несколько иного склада. Я чаще сумрачен. О чем-то думаю, что-то с чем-то сопоставляю, что-то переживаю. И вовсе мне не хочется из себя делать то, что хочется публике.

– **Несколько лет назад для многих ваших ровесников начались радостные изменения, новая жизнь показала им замечательной средой, в которой они как рыба в воде, а другие, наоборот, почувствовали себя выброшенными на берег. Ваши ощущения? Как то, что происходит, отражается на вас?**

– Я думаю, раньше было спокойнее и легче. Сейчас труднее, но интереснее. Я «выскочил», приобрел какую-то популярность как раз в конце коммунистического правления, буквально через год началась перестройка, более трудные времена, хотя тогда еще была структура кино, и какое-то время было легко существовать. Раз ты попал в обойму, из нее было довольно трудно выскочить. И какая-то стабильность в этом тоже была. Но стабильность болота или концлагеря. Сейчас, когда этой стабильности нет и тебя уже оценивают только по твоим действительным че-



Игорь Скляр

ловеческим качествам (не хочу говорить – профессиональным, потому что эта профессия вживается в ткань жизни). И здесь уже, если ты не очень хороший актер, ты никому не нужен. Никто в тебя собственные деньги вкладывать не будет. Теперь нужно не разглагольствовать обо всем этом, а молча крутить педали, чтобы не остановиться и даже не поехать назад.

– **Актер всегда находится под угрозой того, что станет не нужен – просто кино кончится, и**

все. У вас нет чувства, что нужно бы запастись другой профессией?

– Многие мои коллеги действительно так и делают. Кто заводит себе кафе, кто – ресторан, кто – бизнес, чтобы себя подстраховать на случай «мало ли чего». У меня, слава Богу, есть театр, который счастливо, по профессии, по способу жизни, совпадает с кинематографом – одно и то же актерское дело. Конечно, это не самый лучший способ постоянного заработка и ощущения стабильности. Впрочем, как и любой другой: если изменится в нашей стране политическая ситуация, любой бизнес может погореть моментально. Но тогда, может быть, актерская жизнь станет более стабильной. Для меня театр – дело жизни, хотя я умею делать много разных вещей: петь, танцевать, рисовать, выпиливать и строгать.

– **В общении с людьми ваша популярность играет роль?**

– Очень трудно найти человека, для которого это не играло бы никакой роли. С таким человеком гораздо интереснее общаться. Для одних она играет роль позитивную, для других – прямо противоположную. Например, когда меня останавливает просто так ГАИ, которая знает номера моей машины, просто для того, чтобы доказать: «Ты артист, а я вот милиционер, и я тебя сейчас помучаю». Мне стало гораздо труднее знакомиться с девушками. Когда я был неизвестен (я не сильно, мне кажется, изменился за 15 лет внешне и внутренне), мне было гораздо проще – знакомились просто с этим парнем, который так смотрит, так разговаривает, так общается.

Сейчас я часто слышу даже впрямую: ты думаешь, ты артист, тебе все можно. А вот тебе! Мы тоже имеем свою гордость. Ступай себе мимо.

– **Значит ли то, что вы сказали, что вам не удалось встретить душу, которая любила бы в вас человека, а не артиста Скляра?**

– Почему? Моя жена, с которой мы уже 18 лет вместе. Она меня знает всякого. Вот с ней я могу общаться всегда, она меня очень уважает, сыну ставит в пример – какой у нас папа замечательный.

– **Сколько лет сыну?**

– В августе пять будет.

– **Вы как-нибудь следите за своей внешностью? Вы просто поражаете своей молодостью.**

– Нет, я ничего не делаю. Много курю. Образ жизни у меня не спортивный – ложусь поздно, встаю рано, сплю мало и чутко, нервно. Завтракаю двумя чашками кофе, первый раз ем часа в три. Последний раз есть люблю ночью, в час, после спектакля. И вот уже лет 20 с лишним в одном весе, никогда об этом не заботился. Видимо, работа настолько нервная и достаточно нагруженная физически, что беспокоиться об этом не приходится. Ем все. По утрам не бегаю. Но когда для дела нужно, занимаюсь спортом.

– **Есть ли что-то, за что вы себя не любите?**

– Не помню, кто это сказал, но очень правильно: «Пока мы ругаем жизнь и самих себя, наша жизнь проходит». Я особенно не казнюсь из-за своих недостатков. Иногда бываю несправедливо раздражителен и в себе это переживаю, мне трудно сделать шаг к примирению – как раз из-за чувства собственной вины, собственной несправедливости. Не люблю себя за лень – думаю, я мог бы сделать гораздо больше даже в своей жизни. Но не жалею ни о чем, даже плохом, что сделал. Нет смысла в этом – жалеть.

– **«Календарь закроет этот лист»?**

– Да, может быть. А жизнь продолжается, я очень ее люблю. Я люблю удовольствие жизни, красивых женщин, дружескую атмосферу, люблю нравиться людям и доставлять им этим удовольствие. И очень не люблю, когда у меня не бьется сердце по какому-либо поводу. От состояния равнодушия больше устаешь, чем от того, что слишком бьется сердце. В кино я ловлю себя на мысли, что мне хочется так сыграть, чтобы, когда моего героя убивают, его было бы безумно жалко, чтобы за то время, пока я на экране, меня полюбили бы до слез.

– **Вы считаете, что работаете «для вечности» или для того, чтобы развлечь публику?**

– Никогда не знаешь, для чего ты рожден – спеть «На недельку, до второго...», чтобы люди эту песню два месяца пели по всей стране и забыли через два года, или для того, чтобы сыграть что-нибудь такое, из-за чего тебя запомнят следующие поколения. Не знаю. Может быть, достаточно и «Комарова». Это зависит от склада мозгов, от природы. Думаю, если человек всерьез думает о том, чтобы сделать что-то «гениальное», у него ничего не получится. А если серьезно, честно, искренне о себе самом, то, может быть, сегодня это будет забавно, через 50 лет – мелодраматично, а через 200 лет скажут: надо же, какие были люди, широкие, умные, щедрые, как писали, как играли, не то что нынешние...